

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2022.20.90.038

Развитие норм уголовного законодательства России, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности, в советский период

Мурин Дмитрий Анатольевич

Кандидат юридических наук,
Омская академия МВД России,
644092, Российская Федерация, Омск, просп. Комарова, 7;
e-mail: murinda1985@mail.ru

Аннотация

В статье подробно рассматривается развитие норм отечественного уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности. Автором анализируется историческая обусловленность рассматриваемого уголовно-правового института в советский период. Отмечается, что данный период связан с появлением первой нормы, устанавливающей самостоятельную уголовную ответственность за общественно опасные деяния, прикосновенные к преступлениям против собственности. В результате делается вывод о том, что законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении. В дальнейшем законодатель разграничивает такие виды прикосновенности к преступлениям против собственности, как попустительство и пособничество, а также заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, и укрывательство преступлений. В законодательстве советского периода устанавливается ответственность еще за один вид прикосновенности к преступлениям против собственности – покупку заведомо краденого имущества, недоносительство же влечет за собой ответственность лишь в отношении наиболее тяжких контрреволюционных преступлений. Далее законодатель идет по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности, и только лишь в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятом на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничивает заранее не обещанное укрывательство и заранее обещанное укрывательство, а в Общей и Особенной частях УК РСФСР 1960 г. предусматривает ответственность за отдельные виды прикосновенности к преступлению. В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. институт прикосновенности в целом и прикосновенность к преступлениям против собственности в частности законодателем никак не рассматриваются.

Для цитирования в научных исследованиях

Мурин Д.А. Развитие норм уголовного законодательства России, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности, в советский период // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 10А. С. 585-593. DOI: 10.34670/AR.2022.20.90.038

Ключевые слова

Прикосновенность, преступления против собственности, историческая обусловленность, советский период, попустительство, недоносительство, пособничество, заранее не обещанные приобретение и сбыт имущества.

Введение

После Октябрьской революции прикосновенность была включена как вид пособничества в институт соучастия. Характерной чертой регулирования прикосновенности в то время было то, что ее отдельные формы выделялись, но не раскрывалось их содержание.

До принятия Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. уголовное законодательство республики формировалось на основе многочисленных декретов, регулировавших и охранявших наиболее важные общественные отношения. Наиболее известно среди них обязательное Постановление Совета Кузнецкого уездного комиссариата, которое содержит двадцать различных составов преступлений, среди которых есть указание на прикосновенность (укрывательство преступлений лиц, занимающихся производством самогона) [Материалы..., 1918, 40-42].

Результаты исследования и их обсуждение

Об ответственности за укрывательство («покровительство») впервые упоминает постановление Наркомфина о запрещении купли, продажи или передачи хлопковых предприятий всех видов и регистрации акций и паев этих предприятий. В нем, в частности, говорится: «За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие или покрывательство по нарушению сего постановления виновные предаются Революционному Трибуналу» [Голяков, 1953, 34]. Таким образом, постановление Наркомфина впервые вводит в советское законодательство понятие укрывательства (покровительство), являющегося одним из видов прикосновенности к преступлениям против собственности.

Важным законодательским событием того времени явилось издание Руководящих начал по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. – прообраза Общей части уголовного права. Руководящие начала не обошли вниманием вопрос о юридической оценке прикосновенности к преступлению. Однако термин «прикосновенность» в них не использовался, а лишь упоминались ее отдельные виды. Следует отметить, что здесь впервые в советском уголовном законодательстве было употреблено понятие «попустительство».

Некоторые виды прикосновенности были отнесены Руководящими началами к соучастию в преступлении, что значительно и необоснованно расширяло рамки соучастия. Так, в соответствии со ст. 24 Руководящих начал, пособниками являлись «те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействуют выполнению его словом или делом, советом, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т. е. невоспрепятствованием совершению преступления» [Там же, 59-60].

Руководящие начала не предусматривали в качестве самостоятельного такой вид прикосновенности, как недонесение о готовящемся или совершенном преступлении.

Таким образом, широко трактуя содержание пособничества, Руководящие начала фактически отказались от института прикосновенности к преступлению как специфического и самостоятельного. Это, безусловно, не способствовало его наиболее эффективной реализации и не отвечало задачам индивидуализации наказания в соответствии с содеянным.

В последующие годы также издавались и другие законодательные акты, предусматривающие ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности. Так, в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г., посвященном борьбе с хищениями государственного имущества и с должностными преступлениями, способствующими этим хищениям, особо подчеркивается ответственность должностных лиц в случае их прямого или косвенного участия в хищениях. Декрет различает прямое участие должностных лиц в хищениях, пособничество в хищениях, умышленное невоспрепятствование хищениям или непринятие мер для воспрепятствования хищениям. Указанный декрет, в отличие от Руководящих начал 1919 г., рассматривает попустительство (невоспрепятствование хищениям или непринятие мер воспрепятствовать хищениям) не как разновидность пособничества, а как самостоятельное должностное преступление [Там же, 60].

Таким образом, законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода, предусматривая ответственность за преступное попустительство либо отдельные его виды, не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении, в результате чего прикосновенность как бы «сливалась» с пособничеством. Отсутствовал в законодательстве этого периода и дифференцированный подход к определению ответственности соучастников и прикосновенных к преступлению лиц в зависимости от степени участия в таком деянии и характера их противоправной деятельности.

Конечно, в своей практической деятельности органы правосудия учитывали различную степень опасности действий причастных к преступлению лиц, хотя, как отмечают исследователи, не всегда придавали одинаковое значение даже действиям соучастников [Мишунин, 1954, 178]. В целом же при разрешении конкретных дел судебные органы подходили дифференцированно к ответственности соучастников и прикосновенных к преступлению лиц. Однако это не означало, что прикосновенное лицо не могли наказать строже, чем соучастника.

Знаменательной вехой в истории советского уголовного права явилась разработка УК РСФСР 1922 г., изданием которого было в основном завершено построение социалистического уголовного права, начатое с первых дней установления советской власти. Все последующее развитие советского уголовного законодательства можно рассматривать как дальнейшее усовершенствование издания советского уголовного права.

В отличие от Руководящих начал, УК РСФСР 1922 г. отграничил попустительство от пособничества. Вместе с тем кодекс внес существенные изменения в само понятие попустительства. Согласно УК РСФСР 1922 г., за попустительство несли ответственность только должностные лица, в чьи обязанности входило оказание непосредственного противодействия совершающемуся преступлению (ст. 107).

Недоносительство влекло за собой ответственность лишь в отношении наиболее тяжких контрреволюционных преступлений (ст. 58-66 УК РСФСР), недонесение же по всем остальным преступлениям для частных лиц не влекло уголовной ответственности.

Нельзя не обратить внимание и на то, что УК РСФСР 1922 г., относя всякое укрывательство к пособничеству, вступал в противоречие со своим собственным определением понятия

пособничества, даваемым в ч. 2 ст. 16, согласно которому пособниками считаются лишь «те, кто содействует выполнению преступления». Между тем деятельность укрывателя при отсутствии заранее данного обещания не может расцениваться как содействие выполнению преступления, а следовательно, она не является пособничеством преступлению.

УК РСФСР 1922 г., установив ответственность за покупку заведомо краденого имущества, вводит еще один вид прикосновенности к преступлению. Заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, были представлены в УК РСФСР 1922 г. как самостоятельные преступления (ст. 181, 207).

Из расположения статей, предусматривавших ответственность за это преступление, видно, что законодатель разграничивал заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, и укрывательство преступлений. Это наблюдается в тексте ст. 76 УК РСФСР 1922 г., где кроме пособничества бандам и укрывательства банд и отдельных их участников установлена ответственность и за сокрытие добытого. Однако, в соответствии со ст. 207 УК РСФСР 1922 г., лица, заведомо принявшие от военнослужащего по какому бы то ни было основанию (покупка, обмен, подарок, заклад, и т. д.) предметы, похищенные военнослужащим, подлежали ответственности как соучастники [Хрестоматия..., 1997, 107]. В судебной практике это преступление оценивалось так же. Например, решением Верховного Суда УССР приговор Подольского губернского суда по делу Раевского и Киевской, осужденных по ст. 16 и 180 УК УССР (ст. 181 УК РСФСР 1922 г.) за укрывательство похищенного имущества, хотя оно и не было заранее обещанным, был оставлен в силе [Вестник советской юстиции, 1925, 761].

Общий состав заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, был описан в ст. 181 УК РСФСР [Хрестоматия..., 1997, 103]. Здесь была предусмотрена ответственность только за покупку заведомо краденого. Из буквального толкования текста статьи видно, что УК РСФСР 1922 г. объявляет преступным приобретение имущества, полученного в результате совершения любого другого преступления, за исключением преступлений, предусмотренных ст. 76 и 207. Несмотря на то, что данное преступление приравнивалось к соучастию в преступлении, одним из обстоятельств, отягчающих ответственность, являлось его совершение в виде промысла. Другим обстоятельством, отягчающим ответственность, была цель сбыта. Однако ответственности за сбыт в ст. 181 установлено не было.

Судебная практика квалифицировала сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, используя аналогию права, также по ст. 181 УК РСФСР. Например, Северо-Кавказский краевой суд осудил по ст. 181 УК РСФСР Вильденова, признанного виновным в заранее не обещанной реализации имущества, добытого преступным путем [Судебная практика РСФСР, 1927, 20].

УК РСФСР 1926 г. пошел по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности. Как и УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. укрывательство преступления и попустительство относил к соучастию в преступлении. Недонесение считалось самостоятельным преступлением и в соответствии с ч. 2 ст. 18 преследовалось в специально предусмотренных случаях.

Как и в УК РСФСР 1922 г., диспозиция ст. 164 УК РСФСР 1926 г. была немногословной – скупка заведомо краденого – и имела те же недостатки: не предусматривала ответственности за сбыт краденого, ограничивала предмет преступления только краденым имуществом, не говоря об имуществе, которое было добыто в результате совершения других

преступлений [Карницкий, Рогинский, Строгович, 1934, 142]. Практика применения ст. 164 УК РСФСР 1926 г. шла по пути расширительного толкования понятия «краденое». По ст. 164 квалифицировались случаи приобретения имущества, добытого путем совершения любого корыстного преступления [Судебная практика РСФСР, 1927, 27].

Частично восполнила этот пробел в законодательстве РСФСР ст. 164-А УК РСФСР «Покупка, хранение и продажа заведомо похищенного огнестрельного оружия», введенная 17 июня 1929 г. В науке предлагалось квалифицировать случаи покупки заведомо краденого государственного и общественного имущества, если эта покупка имела место неоднократно или производилась классово чуждым элементом, в крупных размерах по Постановлению ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» как соучастие в основном преступлении [Карницкий, Рогинский, Строгович, 1934, 143].

Позднее, после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», неоднократная покупка заведомо краденого при отсутствии данных о соучастии в хищении стала квалифицироваться по ст. 164 УК РСФСР. В этом отношении показательно дело Бабакишиева, принявшего на хранение вещи, похищенные Гусейновым и Кусумовым. Договоренности относительно принятия Бабакишиевым на хранение похищенных вещей между ними не было, однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР действие Бабакишиева квалифицировала как соучастие (пособничество) в хищении личной собственности граждан [Судебная практика Верховного Суда СССР, 1953].

Уголовная ответственность за попустительство должностных лиц была установлена в ст. 111 УК РСФСР. Бездействием власти считалось невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109 [Карницкий, Рогинский, Строгович, 1934, 97].

В тех случаях, когда попустительство преступлению по ст. 111 «Бездействие власти» было обещано основному преступнику до совершения им преступления, поведение должностного лица предлагалось рассматривать как идеальную совокупность соучастия в преступлении и бездействия власти [Пионтковский, 1928, т. 2, 222-223].

Таким образом, существовала необходимость квалификации любого попустительства преступлению в качестве соучастия. В условиях военного времени именно так квалифицировалось попустительство хищениям государственного имущества, преследуемое по закону от 7 августа 1932 г. При этом круг лиц, на которых ложится обязанность препятствовать совершению преступления, был очерчен очень широко. Верховный Суд СССР в 1942 г. как пособничество квалифицировал попустительство старшего группы рабочих, видевшего, что в вагон таскают мешками краденую муку и тем не менее не принявшего никаких мер к пресечению преступления.

В дальнейшем, вплоть до издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., вопрос о прикосновенности к имущественным преступлениям в законодательном плане особым изменениям не подвергался, если не считать издания ряда общесоюзных актов, устанавливавших повышенную ответственность за недонесение о некоторых видах преступления. Так, указами от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» предусматривалась повышенная ответственность за недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое, а также

готовящемся или совершенном хищении социалистического имущества при наличии признаков повторности, организованной группы или крупного размера хищения [Голяков, 1953, 430-431].

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничили заранее не обещанное укрывательство, ответственность за которое наступала только в случаях, специально установленных статьями Особенной части уголовных кодексов (ст. 18 Основ), и заранее обещанное укрывательство (ст. 17 Основ). Недоносительство не охватывалось соучастием и было наказуемо так же, как и заранее не обещанное укрывательство, только в случаях, указанных в Особенной части уголовных кодексов (ст. 19 Основ).

Вопрос о юридической природе укрывательства и недоносительства непосредственно Основами и УК РСФСР 1960 г. связывался с объектом раскрываемых преступлений. Эти нормативные правовые акты установили общее правило, согласно которому ответственность за заранее не обещанное укрывательство наступала в случаях, специально предусмотренных законом (ст. 18).

В УК РСФСР 1960 г. при криминализации заранее не обещанного укрывательства перечислялись составы конкретных преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых образовывало уголовно наказуемое деяние. Например, в ст. 189 УК РСФСР 1960 г. был приведен перечень тяжких и особо тяжких преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых образовывало уголовно наказуемое деяние. Так, в перечень преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых было наказуемым, были включены умышленное убийство, изнасилование при отягчающих обстоятельствах и разбой.

В последующие годы УК РСФСР 1960 г. значительно расширил круг уголовно наказуемого укрывательства, включив в перечень преступлений, укрывательство которых являлось уголовно наказуемым, 49 составов преступлений. Этот перечень был исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежал. Таким образом, по УК РСФСР 1960 г. объект укрывательства был тесно связан с укрываемым преступлением.

Как и укрывательство, недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влекло уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных законом (ст. 19 Основ и ст. 19 УК РСФСР 1960 г.). Перечень данных случаев был определен ст. 88 и 190 УК РСФСР 1960 г.

УК РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность за заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208). Указанное деяние за некоторым исключением можно отнести к разновидности укрывательства. В соответствии с диспозицией данной статьи, виновный может и не знать, каким именно преступлением добыто приобретаемое имущество. Если виновный достоверно знал, в результате какого именно преступления добыто имущество, его действия квалифицировались по ст. 208 УК РСФСР 1960 г. и соответствующим статьям за укрывательство преступления.

С субъективной стороны преступное приобретение или сбыт имущества предполагали наличие прямого умысла: виновный осознает, что приобретает или сбывает имущество, добытое в результате преступления, и желает совершить эти действия.

Таким образом, УК РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность: за укрывательство преступлений (ст. 189); за недонесение о них (ст. 88, 190); за приобретение, хранение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208); за оставление в опасности, совершенное не только лицом, обязанным оказывать помощь, но и любым очевидцем (ст. 127), что также признавалось попустительством преступлениям. Кроме того, ст. 18 и 19 Общей части

УК РСФСР были посвящены таким видам прикосновенности к преступлению, как укрывательство и недонесение.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые были приняты Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г., но так и не были введены в действие с 1 июля 1992 г. в связи с распадом СССР, не содержали в себе вообще никакого упоминания ни о прикосновенности к преступлениям, ни о видах прикосновенности к преступлениям против собственности.

Заключение

Представляется целесообразным выделить советский период исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности, продлившийся с 1917 по 1991 г. Данный период характеризуется тем, что законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении.

УК РСФСР 1922 г. отграничил попустительство от пособничества, а также заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, и укрывательство преступлений. Данный кодекс также установил ответственность за еще один вид прикосновенности к преступлению – покупку заведомо краденого имущества, недонесительство же влекло за собой ответственность лишь в отношении наиболее тяжких контрреволюционных преступлений.

УК РСФСР 1926 г. пошел по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности. В дальнейшем, вплоть до издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., вопрос о прикосновенности к имущественным преступлениям в законодательном плане особым изменениям не подвергался, если не считать издания ряда общесоюзных актов, устанавливавших повышенную ответственность за недонесение о некоторых видах преступления.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничили заранее не обещанное укрывательство и заранее обещанное укрывательство. В Общей и Особенной частях УК РСФСР 1960 г. стала предусматриваться ответственность за отдельные виды прикосновенности к преступлению. Необходимо отметить, что в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. институт прикосновенности в целом и прикосновенность к преступлениям против собственности в частности законодателем никак не рассматривались.

Библиография

1. Вестник советской юстиции. 1925. № 19.
2. Голяков И.Т. (ред.) Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. М., 1953. 463 с.
3. Карницкий Д.А., Рогинский Г.К., Строгович М.С. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Советское законодательство, 1934. 177 с.
4. Материалы Народного комиссариата юстиции. 1918. Вып. 2.
5. Мишуни П.Г. Очерки по истории советского уголовного права, 1917-1918 гг. М., 1954. 231 с.
6. Пионтковский А.А. Советское уголовное право. М.; Л., 1928. Т. 2. 428 с.
7. Судебная практика Верховного Суда СССР. 1953. № 3.
8. Судебная практика РСФСР. 1927. № 1.

9. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375>
10. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. URL: <https://base.garant.ru/3975158/>
11. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374>
12. Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917-1991 гг. М.: Зерцало, 1997. 591 с.

The development of the norms of the criminal legislation of Russia providing for liability for involvement in crimes against property during the Soviet period

Dmitrii A. Murin

PhD in Law,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
644092, 7 Komarova ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: murinda1985@mail.ru

Abstract

The article discusses in detail the development of the norms of domestic criminal legislation providing for liability for involvement in crimes against property. The author of the article analyzes the historical conditionality of this criminal law institution during the Soviet period that is associated with the emergence of the first norm establishing criminal liability for socially dangerous acts related to crimes against property. The legislative acts of the first years of the post-October period were not consistent in terms of distinguishing between involvement in a crime and complicity in a crime. Then the legislator distinguished between connivance and assistance, as well as the purchase and sale of property obtained by crime that were not promised in advance, and concealment of crimes. The legislation of the Soviet period established liability for one more type of involvement in crimes against property—the purchase of knowingly stolen property, while failure to report crimes entails liability only in relation to the most serious counter-revolutionary crimes. The Fundamentals of the Criminal Legislation of the Union of SSR and the constituent republics of 1958 and the Criminal Code of the RSFSR of 1960 adopted on their basis clearly distinguished concealment not promised in advance and one promised in advance, and in the General and Special Parts of the Criminal Code of the RSFSR of 1960 established liability for certain types of involvement in a crime.

For citation

Murin D.A. (2022) Razvitie norm ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii, predusmatrivayushchikh otvetstvennost' za prikosnovennost' k prestupleniyam protiv sobstvennosti, v sovetskii period [The development of the norms of the criminal legislation of Russia providing for liability for involvement in crimes against property during the Soviet period]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (10A), pp. 585-593. DOI: 10.34670/AR.2022.20.90.038

Keywords

Involvement, crimes against property, historical conditionality, Soviet period, connivance, failure to report a crime, assistance, purchase or sale of property not promised in advance.

References

1. Golyakov I.T. (ed.) (1953) *Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR, 1917-1952 gg.* [Collected documents concerning the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR, 1917-1952]. Moscow.
2. Karnitskii D.A., Roginskii G.K., Strogovich M.S. (1934) *Ugolovnyi kodeks RSFSR* [The Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ.
3. *Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava, 1917-1991 gg.* [A reader on the history of the Russian state and law, 1917-1991] (1997). Moscow: Zertsalo Publ.
4. *Materialy Narodnogo komissariata yustitsii* [Materials of the People's Commissariat of Justice] (1918), 2.
5. Mishunin P.G. (1954) *Ocherki po istorii sovetskogo ugovnogo prava, 1917-1918 gg.* [An outline of the history of Soviet criminal law, 1917-1918]. Moscow.
6. Piontkovskii A.A. (1928) *Sovetskoe ugovnoe pravo* [Soviet criminal law], Vol. 2. Moscow; Leningrad.
7. *Sudebnaya praktika RSFSR* [Judicial practice in the RSFSR] (1927), 1.
8. *Sudebnaya praktika Verkhovnogo Suda SSSR* [The judicial practice of the Supreme Court of the USSR] (1953), 3.
9. *Ugolovnyi kodeks RSFSR ot 01 iyunya 1922* [Criminal Code of the RSFSR of June 1, 1922]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> [Accessed 02/11/22].
10. *Ugolovnyi kodeks RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g.* [Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960]. Available at: <https://base.garant.ru/3975158/> [Accessed 02/11/22].
11. *Ugolovnyi kodeks RSFSR redaktsii 1926 goda* [Criminal Code of the RSFSR of 1926]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> [Accessed 02/11/22].
12. *Vestnik sovetskoi yustitsii* [Bulletin of Soviet justice] (1925), 19.